

БАРЬЕР

Вот лежишь и думаешь. Или не думаешь — и все равно лежишь. Проснулся раньше времени. Утро. Надо бежать на работу, но рано. Такие бывают утра. Промах. Всё по расписанию было вчера. А сегодня с утра бах — и мимо.

Раздражение было легким. Слава быстро преодолел его и пошел в душ. Потом на кухню. Каша. Доктор прописал от гастрита. Каким образом каша спасает от гастрита, Слава не знал, но эта процедура успокаивала его демонстрацией заботы о себе. Вдруг поможет. Если так, то, наверное, и гастрита никакого не было.

Панические атаки. Стрессы, маскирующиеся под что угодно в организме. Доктора, объясняющие что угодно с легкостью необыкновенной. Но лучше верить, чем не верить. Парадокс Паскаля. Слава начитанный. Он получил красный диплом и золотую медаль.

Сейчас Слава трудился в институте, который обязался продлить людям жизнь. Он так и называется — Институт продолжения жизни. Еще бы называли — удлинения. Да какая разница! Слава биолог, а не фантаст. Выключать гены хорошо на бумаге.

К черту! Каша пригорела. Слава отковырял ложку. Съел кашу, морщась, и сварил кофе. У него был хо-

роший кофе и неплохой для домашних условий кофейный аппарат. Или кофемашина. Как правильно?

Он сегодня злился на себя потому, что серия опытов не шла, важная присадка закончилась, и где взять дополнительные объемы, он не мог придумать. Он уже два раза клянчил у начальства. Больше денег не дадут. Впрочем, и с деньгами сейчас такое достать быстро не получится. Такие реагенты были только у врагов, а у друзей дольше и дороже. Кто друзья, кто враги и почему так, Слава не задумывался. Картинка менялась быстро. Он старался.

Лаборатория встретила угрюмой тишиной — никого не было. Ну хоть лягушки живы и на месте. На серию хватит. Слава смотрел на них — такие жизнерадостные лягушки. Он обрадовался, потом вспомнил про реактив. Вот засада! Слава больно дернул себе палец. Такая у него привычка — отвлекает. С детства привык.

Итак, необходим новый план. Через три недели нужно сдавать отчет по теме, иначе подача на гранты следующего года сорвется, и тогда ему будет трудно удержать свою тему.

Он решил разобрать накопившиеся экспериментальные данные. Рутинка тоже нужна. Вернее, ее тоже надо делать.

Позвонила секретарша директора и сообщила, что его искал какой-то Исаков. И что он сказал, чтобы Слава с ним связался. Она сделала паузу и потом спросила:

— Понятно?

Он ответил:

— Да.

Секретарша разъединилась, а его мысли побежали по другому кругу. Исаков, старый знакомый, работающий теперь где-то в академии или администрации. Большая шишка. Интересно, чего ему надо? Хантить, небось, хочет его. Было бы неплохо. Может, у него реактивы нужные есть. Слава внутренне заржал

от наивного хода своих мыслей. Глубины, глубины тебе, старик, не хватает, вот чего.

* * *

Исаков спросил Славу, когда он будет у себя в лаборатории. Он, Исаков, хотел бы навестить его на рабочем месте. Слава сказал, что завтра целый день будет.

— Спасибо, — ответил Исаков и повесил трубку.

Странно, подумал Слава. А с другой стороны — мало, что ли, странностей. Хочет человек прийти — пусть приходит, что такого?

Исаков явился в 10 утра. Он был ярко молодой и внимательный к деталям. Всё на нем было новое и хорошо подогнанное по фигуре. Маникюр был свежим, а линзы очков сверкали блестящей чистотой. Загляденье, а не человек. Функционер.

Обнялись как старые друзья. Обошли лабораторию. Слава показал лягушек. Исаков посмотрел результаты. Промежуточные. Отклик был, и это впечатлило Исакова.

— Как насчет финансирования? — спросил Исаков. — Хватает?

— Грех жаловаться, — потупился Слава.

— Понятно, — сказал Исаков.

— Нет, правда хватает. Проблемы, скорее, с обеспечением реактивами и прочими дополнительными возможностями, способными ускорить продвижение экспериментов. Вторая ветка не помешала бы.

— Готов перейти к нам?

— Куда к вам?

— Создается новая площадка при академии, полностью будет сосредоточена на проблемах старения и продолжения жизни.

— Ну не знаю.

— Будет открытый кредит на все, что захочешь.

— Кто это такой щедрый? — поморщился Слава.

— Есть такие, — уклонился Исаков. — Ты же знаешь, у темы высший приоритет, многие заинтересованы, элита стареет.

— Если договоришься с моим начальством, я готов обсудить условия.

— Без проблем, — сказал Исаков. — Давай завтра у меня увидимся — и посмотришь всё, что у нас есть уже. И что тебе еще понадобится, расскажешь. А еще лучше — приноси спецификации, сразу отдадим снабженцам, чтобы время не терять.

«Борзые очень, — подумал Слава. — Может, это и хорошо». А вслух сказал, что, конечно, принесет, у него всё есть, давно ходит кланчит.

— У нас будешь требовать, и в этом разница.

Исаков ушел, а Слава остался. Переходить не хотелось, но и оставаться — значило терять шанс. А, к черту!

* * *

Слава уже полгода работал на новом месте. Детали давно утряслись. Условия были выполнены: оборудования теперь было больше, чем надо, прихоти исполнялись почти мгновенно. Начальство интересовалось, но не торопило. Проявляло заинтересованность и было крайне предупредительно.

И вот в обстановке такой благости в понедельник утром коллега прислал статью из европейского журнала, очень уважаемого. Как он ее нашел, Слава не знал. Рядом со статьей коллега написал: «Обязательно посмотри». Слава посмотрел. В статье были приведены результаты многомесячных экспериментов, после обработки данных которых и проведенного моделирования получалось, что в ходе подавления действия того самого гена, который запускает процесс старения, образуется новая це-

почка аминокислот, которая, в свою очередь, создает механизм, приводящий к ускоренному старению.

«Вот сволочь», — подумал Слава. Ему до этих результатов было еще полгода. И из приведенных данных было понятно, что у него они будут такими же.

Прям на горизонте маячил огромный факап, или в простонародье — жопа.

Такого результата никто не примет.

Он позвонил коллеге:

— Ты послал это еще кому-нибудь?

— Так я не сам ее нарыл. Из конторы прислали.

«Врет», — подумал Слава. Вслух спросил:

— Исакову посылал?

— Да, — ответил коллега.

— Спасибо, — сказал Слава. — Век не забуду.

— Не за что, — огрызнулся коллега и отключился.

* * *

— Что будем делать? — спросил Исаков, появившись из ниоткуда.

— Не знаю, — сказал Слава.

— А я знаю — продолжать как ни в чем не бывало.

— Ты серьезно? — спросил Слава.

— Очень.

— Хочешь потянуть время?

— Уверен, что они ошиблись. Или специально нас путают.

— Ну не знаю.

— Мы достанем их журнал экспериментов, и ты все посмотришь. Они нас обманывают, сбивают с пути. Ты понял?

— Я понял, — сказал Слава. — Это лучший вариант.

— Не останавливаемся и не меняем настрой, — сказал Исаков. И ушел так же, как и пришел, — в никуда.

Слава задумался. Зачем ему нужно продолжать? Ну потянуть год. Но всё равно слухи поползут рань-

ше. Эту статью будут читать. Ну потом мы будем анализировать журнал, если коллеги достанут. Ну будем отрицать эти побочные эффекты, делая акцент на основных результатах. Препарат будущее продлевает? Продлевает! Следовательно, результат достигнут.

* * *

Прошло полгода. Те, кому положено, достали журнал. Он посмотрел. Всё подтвердилось. Но ничего не поменялось. Работали как работали. По плану.

Слава сделал препарат. Проверять действие в контрольной группе — это годы и годы до результата. А применять надо было сейчас, всем не терпелось.

Однажды утром его не пустили в лабораторию. На входе стоял улыбчивый парень.

— Спросите начальство, почему. Я не в курсе, — ответил он на незаданный вопрос.

Исаков был благодушен и терпелив. Они сидели у него в кабинете.

— Твоя работа закончена, — говорил Исаков. — Начальство тебе благодарно. Проси, чего хочешь в награду. Институт. Деньги. Госпремию. Всё получишь. Есть одно условие. Всё забыть. И тему, и результаты. Ни с кем никогда это не обсуждать. Это теперь совершенно секретно. Это понятно?

— Да, — коротко сказал Слава. — Можно мне чего-нибудь выпить?

— Обязательно, — сказал Исаков. — И я с тобой. Такое дело завершили! Мы обязаны выпить.

Они выпили, а потом еще, а потом еще.

А потом были медведи, цыгане и всё остальное, как полагается.

А утром Слава понял, чего вчера не понимал, ибо дурак. Они — он не знал, кто входит в это «они», — собираются препарат применять. Сейчас. Без кли-

нических испытаний и всего прочего. Это же прям лютый трындец, примерно такой, какой сейчас был у него в голове и во рту

Слава встал и на подгибающихся ногах пошел в туалет, где он, тупо глядя в стену, пописал и страшно обрадовался, что смог. А потом на кухню, где выпил всю воду из чайника. Потом он сел.

Завибрировал телефон, он тут, оказывается, на столе кухонном валялся.

— Алло, — сказал Слава.

— Ты только руки на себя не накладывай, потерпи, — заржал в трубку Исаков. — Абстиненция пройдет, а жизнь останется. Как самочувствие?

— Никак, — ответил Слава.

— Понимаю, — сказал Исаков.

— Меня убьют? — спросил Слава.

— Возможно, — сказал Исаков. — Но об этом лучше не думать, я сейчас к тебе приеду.

Слава не слушал, он хотел всё забыть.

Он встал, подошел к раковине. Его вырвало — раз, потом еще.

«Бежать!» — кричало подсознание. Сознание сидело на горшке.

